

Камила Левитан ✦ Екатерина Мелкова

Развод с предателем.

Ты украл мои книги,
а шейх вернул мне имя!

Екатерина Мелкова

**Развод с предателем. Ты украл
мои книги, а шейх вернул мне имя!**

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Развод с предателем. Ты украл мои книги, а шейх вернул мне имя!

/ Е. Мелкова — «Автор», «Автор», 2026

Двенадцать лет я редактировала книги мужа, помогая ему стать знаменитым писателем. А после развода он назвал меня бездарностью и публично обвинил в разорении издательства.— Без меня ты никто, Марьяна! Но прямо на презентации незнакомый миллиардер предложил купить наше издательство. При одном условии: я останусь главным редактором. И этим мужчиной оказался Дима — моя первая любовь, исчезнувшая восемнадцать лет назад! Теперь он богатый шейх, а ещё хранит мою школьную тетрадь, которую тайно превратил в бестселлер. Бывший муж уже требует права на мою книгу. А Дима предлагает вернуть мне всё: имя, славу, любимую работу. И сердце, которое я считала разбитым навсегда.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зонты, дождь и человек в сером	6
Глава 2. Дима, ты?!	10
Глава 3. Почерк, который я знаю	13
Глава 4. Фестиваль под шатрами	16
Глава 5. Соперница с дипломом невесты	19
Глава 6. Ночь правки, ночь правды	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Камила Левитан
Развод с предателем. Ты украл
мои книги, а шейх вернул мне имя!

Что Артур делает на сцене моей презентации? Он вырвал микрофон из рук ведущей так резко, что она качнулась. Я застыла за кулисой старого Дома печати, а зал уже оборачивался к экрану, где стоял мой бывший муж.

Глава 1. Зонты, дождь и человек в сером

Что Артур делает на сцене моей презентации? Он вырвал микрофон из рук ведущей так резко, что она качнулась. Я застыла за кулисой старого Дома печати, а зал уже оборачивался к экрану, где стоял мой бывший муж.

— Дамы и господа! — Артур развернулся к залу и отвёл микрофон от ведущей. Тем бархатным голосом он когда-то читал мне стихи. — Прежде чем мы перейдём к вину, я обязан сказать неприятную вещь. «Клён» на грани банкротства. Двенадцать лет Марьяна правила мои тексты и называла это своим вкладом. Все сборники, которые она вычитывала, — мои, и я не позволю ей приписать себе ни одну строчку. А теперь она ещё и губит издательство. Виноват в этом человек, который девять лет растил этот проект в свою пользу.

Карточки с планом спасения смялись под большим пальцем. Ещё минуту назад предстояло представить инвесторам новую линейку и сроки, в которые она могла окупиться. Теперь бывший муж обвинял меня при всех в крахе «Клёна».

— Марьяна, выйди. — Артур поманил меня к себе и отступил, уступая место под прожектором.

От этого хозяйского жеста захотелось развернуться и уйти. Вместо этого шагнула на сцену. Свет ударил в глаза, зал расплылся; проклятые карточки прилипли к вспотевшим пальцам.

— Оправдываться перед вами? Ну уж нет. — Я положила карточки на стойку и повернулась к стенду. — Лучше почитаем. Ради книг ведь и собрались.

На стенде нашлась одна из наших книг с загнутым уголком. Раскрыв её на знакомой странице, переждала, пока хватит воздуха на первую фразу. Артур уже потянулся к запасному микрофону, но ведущая накрыла его программой. Спасибо ей за эту маленькую измену: тишину он получит обратно, когда дочитаю.

В зале ещё шурились программками, кто-то придвинул к себе бокал. К середине страницы стихли и эти звуки. Ведущая прислонилась к стойке и слушала вместе со всеми. Вот ради этого стоило выйти под проклятый прожектор.

Когда страница закончилась, в третьем ряду поднялся высокий темноволосый мужчина в сером костюме. Он застегнул пиджак и дождался, пока ведущая повернётся к нему.

— Сколько вы хотите за издательство? — спросил он и повернулся к владельцу «Клёна» в первом ряду. В его речи слышался лёгкий акцент. Владелец перестал теребить программу вечера и поднялся.

— Простите, это предложение о покупке? — Ведущая убрала со стойки бокал и потянулась за вторым микрофоном.

— Представляю холдинг «Золотой сокол». Готов купить «Клён» сегодня, по вашей цене. — Мужчина принял микрофон и кивнул владельцу. — При условии, что нынешний главный редактор останется в кресле.

— Друг мой, вы покупаете тонущий корабль вместе с капитаном, который его и посадил на мель... — Артур засмеялся и направился к нему, протягивая ладонь для знакомства.

— Я покупаю то, что стоит моих денег. — Мужчина обошёл Артура и остановился у сцены. — А мелодраму вы, кажется, уже издали в прошлом году. Тираж не разошёлся.

В третьем ряду засмеялись, за ним отозвались остальные. Артур убрал протянутую ладонь и поправил манжету. Хорошо-то как смотреть на него сейчас. А этот упрямый подбородок покупателя... Где-то он уже попадался мне раньше, ещё до редакционных планёрок и Артуровых выступлений.

Кто-то за моей спиной ахнул. Артур коротко рассмеялся, но смех тут же оборвался: юристы холдинга уже раскрывали папки на столе у сцены. Ведущая молча убрала бокалы. Артур

поднёс телефон к разложенным листам и сделал несколько снимков, прежде чем юрист закрыл папку. Зашуршали страницы, зазвучали короткие вопросы о сроках и полномочиях. Человек в сером подписал первым. Следом расписался прежний владелец «Клёна», ещё раз проверив сумму в договоре. Юристы поставили печать.

Вернувшись к стойке за карточками, задержалась возле стола. Среди документов лежал лист с моим именем: покупатель действительно оставлял главного редактора. Согласие на новый проект собирались получить отдельно. План спасения осуществился без единой цифры из моего выступления.

Позже Артур нашёлся у бара, над нетронутым бокалом красного.

— Зачем ты это сделал? — Я поставила книгу возле его бокала и заслонила ему проход к официанту.

— Чистил конюшни, Марьяша. Ты вела «Клён» в пропасть. Я лишь озвучил факты. — Он пожал плечами и отодвинул книгу подальше от вина.

Факты у него были замечательные. За двенадцать лет через меня прошли все его рукописи, сборники, даже речи для этих самых выступлений. До сих пор мысленно вычёркивала его любимое «поэтому».

— Тогда спасибо тебе, — я повысила голос и вернула книгу на место, прямо под его локоть. — За двенадцать лет моей бесплатной редактуры твоих рукописей. Без меня ты бы не смог составить ни один сборник. Считаю, это была моя лучшая работа.

Артур побледнел. Девушка у бара фыркнула в бокал и поспешно прикрыла рот салфеткой. Обычно такой смех доставался мне; теперь бывший стоял и подыскивал ответ, а дожидаться его было совершенно необязательно. Карточки снова отправились со мной через зал. У окна удалось разровнять измятый картон. Дождь размазывал уличные огни, и можно было смотреть на них сколько угодно: отчитывать меня за испорченный вечер больше некому.

Глянув на часы, я выругалась. Клим остался в редакции на коробках с макетами, а его хозяйка празднует у окна своё освобождение. Вот кому плевать на смену владельца, ему бы вовремя ужин.

К одиннадцати удалось добраться до редакции, вымокнув до пояса. Старый код набрала трижды, прежде чем поверить в новую табличку на стекле: «Собственность холдинга "Золотой сокол". Вход по пропускам».

— Мне нужно забрать кота! Он у вас на втором этаже! — Я постучала в стекло и наклонилась к переговорному отверстию.

— Закрыто. Завтра к директору. — Охранник поднялся со стула и придвинул к стеклу листок с часами приёма.

— Замечательно. Кота тоже к директору запишете? — Я прикрыла лицо от дождя и постучала снова. — Пустите меня, ему ужинать пора!

У служебной двери щёлкнул замок. Покупатель «Клёна» убрал от панели чёрную карту и распахнул дверь. Галстук он снял, на плечах серого пиджака темнели пятна дождя. Стоило ему раскрыть надо мной зонт, как охранник поспешно отодвинул свой листок с часами приёма.

— Марьяна Кленова. — Он направил меня под козырёк и стряхнул воду с зонта. — Клим спит на коробках с вашей осенней обложкой. Я велел его не будить.

— Вы... знаете, как зовут моего кота? — Остановившись на пороге, я обернулась к нему и пропустила вперёд.

— Читал вашу колонку в журнале. И редакторские предисловия. — Он сложил зонт и открыл внутреннюю дверь. — Клим сегодня познакомился с охраной раньше вас. Идёмте, пока он спит, а не проверяет прочность наших новых проводов.

Мы поднялись на второй этаж. Он шёл впереди, включая по пути свет; в знакомых комнатах проступали заваленные макетами столы. От мокрой шерсти его пиджака тянуло корицей.

Такой чай заваривала в школьной литературной студии Тамара Львовна. Я даже замедлила шаг, пытаясь удержать этот запах.

Клим спал на коробке с обложками. Пять килограммов рыжего недовольства подхватила вместе с облюбованным шарфом. Клим завозился, пытаясь устроиться поудобнее, и царапнул когтем мокрый плащ.

В приёмной шефа над стойкой висел подсвеченный титульный лист «Октябрьской тетради», анонимного бестселлера, который два года штурмовал списки. В редакции обсуждали его тиражи, а до чтения всё никак не доходило. Слишком знакомое название: точно так же называлась моя школьная тетрадь, потерянная перед Диминим отъездом. Тогда школьные воспоминания только злили. Теперь знакомые слова висели у меня перед носом; пора добраться и до самого текста.

А под рамкой стоял логотип холдинга «Золотой сокол».

— Это ваша книга? — Я поправила шарф под Климом и приблизилась к рамке.

— Книга моего холдинга. Автор сохраняет анонимность. — Он остановился рядом и проследил за моим взглядом.

— А в моём здании она зачем? — Я отступила от рамки и перехватила Клима, потянувшегося к шнуру подсветки.

Помолчав, он вынес из кладовки картонную переноску. Клим съехал туда вместе с шарфом, возмущённо фыркнув на наше усердие. Покупатель вызвал машину и проводил нас вниз; у крыльца снова раскрыл зонт и заслонил дверцу, пока я ставила переноску на тёплое сиденье.

— Затем, что теперь это здание тоже моя забота. Спокойной ночи, Марьяна Кленова. — Он наклонился к переноске и подправил съехавший шарф. — Закутайте кота. Он мокнет о ваш плащ.

Улыбка у него при этом вышла совершенно мальчишеская. Ужасно знакомая, хотя куда мне помнить улыбки владельцев международных холдингов.

Дома Клим занял колени. Заявление об уходе набирала одной рукой, второй поддерживая его тяжёлую голову. Хватит с меня хозяев, даже очень богатых и умеющих обращаться с котами. Скан ушёл на общий адрес холдинга; бумажный экземпляр остался возле чайника до утра.

Ответ от юриста холдинга пришёл через час, короткий и вежливый: «Ваш действующий договор включён в сделку. При уходе потребуются закрыть обязательства по полученному редакторскому авансу. Предлагаем обсудить условия перехода и направляем предложение возглавить главный осенний проект холдинга».

Трижды перечитав письмо, я открыла приложение: первый лист проекта с зелёной правкой на полях. Главный осенний проект: «Октябрьская тетрадь», полный тираж, финальная авторская версия. И вести её предложили мне.

Утром секретарь «Сокола» встретила меня сообщением, что приём закрыт на две недели. Веня, наш арт-директор, на звонок вздохнул и обещал что-нибудь придумать. К вечеру его знакомый из водительской службы сообщил адрес автосалона, куда покупатель «Клёна» собирался завтра.

В автосалоне выбрала место между серебряным внедорожником и чёрным седаном, откуда было видно вход. Моё «нет» прозвучало ещё до приветствия. Он обернулся, опустил каталог и некоторое время разглядывал меня.

— Кленова, — произнёс он, а потом повернулся к секретарю и закрыл папку с каталогом. — Отмените мне всё до пятницы. Назначьте встречу с Марьяной на завтра.

Секретарь за его спиной открыла рот. Значит, ради меня только что отменили что-то очень важное. По дороге домой перебирала возражения против этого распоряжения, а между ними неизменно возникала его мальчишеская улыбка.

Вечером достала со шкафа школьный альбом. Стряхнув пыль, раскрыла его на фотографии литературной студии: пятеро подростков, а сбоку Дима Хассанов в нелепом свитере. Старший из наших, молчаливый отличник, которого увезли в Дубай ещё до того, как мы окончили школу. На обороте сохранилось моё стихотворение с его зелёными исправлениями. Даже кляксу он умудрился обвести аккуратной рамочкой.

Клим прыгнул с полки прямо на альбом. Фото скользнуло по столу и легло оборотом вверх на распечатку из письма холдинга.

Зелёные пометки оказались рядом. Одинаково наклонённая «д», петля у «у» и клякса, обведённая рамочкой. Завтра покупателя «Клёна» предстояло разглядеть очень внимательно.

Глава 2. Дима, ты?!

— Это ваша штаб-квартира? — Я протиснулась между столиками и сняла мокрый плащ. Встречу назначили в кофейне на Пятницкой. За запотевшим окном текли ручейки, над стойкой висело меню с какао и корицей. К деловому разговору здесь прилагались школьные воспоминания.

— Это моя территория. — Он поднялся, отодвинул мне стул. За двенадцать лет брака от такой заботы успела отвыкнуть. — Закажите себе что-нибудь. Рекомендую какао. Здесь кладут корицу.

Заказав какао, я выпрямилась и приготовилась поблагодарить за спасение кота, а затем всё-таки отказаться от проекта. Аванс верну частями; уж как-нибудь договоримся.

— Итак, собеседование. — Он отодвинул меню и положил перед собой чистую салфетку. — Вопрос первый: любимая книга в четырнадцать лет.

— Простите, при чём тут моя любимая книга? — Отложив меню, я посмотрела на его пустую салфетку.

— Вопрос второй. — Он пропустил возражение и обозначил на салфетке вторую строчку. — Любимое место в школе. Вопрос третий: если бы вас заперли в библиотеке на ночь, вы бы испугались или обрадовались?

Анкета из нашей студии. Последний вопрос Тамары Львовны, которым она ловила самых старательных учеников. Серьёзные ответы про благородство чтения летели к чёрту: все признавались, что страшно хочется есть.

Смех сбил приготовленную речь. Отвернувшись к запотевшему окну, я промокнула салфеткой выступившие слёзы. Боже, щёки уже болят, а всё ещё смешно.

— Ладно, отвечаю, — выговорила, вытерев щёки и возвращая салфетку на стол. — «Два капитана». Второй этаж, подоконник у окна с фикусом. И обрадовалась бы, конечно. Вы что, анкеты литстудии читаете? Их сто лет никто не...

— Я помню их наизусть. — Он отложил ручку и подался ко мне через стол. — Кленовая.

Так меня звала Тамара Львовна, а за ней и ребята из студии. Сколько лет прошло с тех пор. Он смотрел на меня с той насмешливой искоркой, которую помнила до сих пор. В школе он прятал её за чёлкой, а сейчас смотрел совершенно открыто.

— Я Дима, — он улыбнулся и придвинул ко мне забытое какао. — Дима Хассанов.

— Да ну, быть этого не может. — Я наклонилась ближе и разглядела знакомую родинку у уха. — Дима — это... Дима — худой, в свитере с оленями, он краснел, когда читал вслух...

— Его увезли в Дубай к дяде. Там пришлось привыкать к заводам, портам и контрактам, Кленовая, — Дима провёл по своим коротким волосам и тихонько рассмеялся. — А свитер с оленями остался в Москве.

Какао остывало, пока мы разглядывали друг друга. При взгляде на дорогой пиджак мне было тридцать четыре, а стоило ему улыбнуться, становилось шестнадцать.

— Дима, ты?! — повторила я, наклоняясь к нему, и мы оба расхохотались.

— погоди. Ты теперь шейх. Ты купил моё издательство. Зачем? — Отдышавшись, я отодвинула чашку и снова повернулась к нему.

— Стратегический актив. Издательский рынок России входит в фазу... — Он выпрямился и придал лицу ужасно деловое выражение.

— Дима, рынок подождёт. У меня в приёмной висит «Октябрьская тетрадь», а на присланном листе твоя зелёная правка. — Я достала из сумки фотографию и разложила рядом распечатку. — Вчера сравнила с пометками на моём школьном стихотворении. Смотри, даже кляксы одинаковые.

У него покраснело ухо с маленькой родинкой. Точно так же в школе Дима краснел, когда учительница хвалила его сочинение.

— Догадалась. — Он изучил оба листа и аккуратно вернул их мне. — Скажем так: эту рукопись мне очень хотелось сохранить.

— Тогда дай поговорить с автором. Редактору полезно знать, с кем он работает. — Я сложила фотографию с распечаткой и убрала их обратно в сумку.

— По рукописи узнаете, — Дима снова перешёл на «вы» и притянул к себе чашку. — Вы её редактируете. Лучше меня никто не знает, как вы читаете.

Тайну он, конечно, сохранил. Только теперь стало ещё труднее отмахнуться от знакомого названия.

Вернувшись в редакцию, я ещё раз открыла недописанный отказ. Ввязаться в эту странную историю с анонимом означало снова довериться человеку, от которого многое зависело. После Артура доверять было страшно.

Письмо от его юристов пришло раньше, чем удалось дописать последнюю строчку. Артур Львов требовал признать его соавтором «Октябрьской тетради» на основании «длительного творческого участия». Название, значит, напомнило о школьной рукописи и ему. Следующим файлом шла претензия на квартиру: просил пересмотреть раздел имущества, приобретённого «при решающем вкладе истца».

Вот теперь выбирать работу предстояло с учётом двух судебных дел. Бывший умел вовремя напомнить о себе.

— Марьяна Сергеевна, давайте читать вместе. — Юрист холдинга усадила меня за стол и разложила документы. — Дамир аль-Хассани просил обсудить с вами условия.

На первом листе сохранялись название «Клён» и моя должность. Дальше шло назначение на «Тетрадь», а в приложении зеленела подчёркнутая строка с денежными обязательствами.

— Это к моему прежнему договору? К старому авансу? — Я подвинула лист к юристу и нашла нужную сумму.

— Да, здесь расчёт по прежнему авансу. — Юрист раскрыла приложение и отделила его от нового договора. — Его закроем отдельно. Новые условия начинаются вот с этой страницы.

— Хорошо. Скажите ещё про команду: все остаются? И название «Клён»? — Я вернулась к первому листу и сверила его с приложением.

— Марка и команда переходят целиком. — Она придвинула мне первый лист и подчеркнула нужную строку. — Это условие покупки. А в приложении есть юридическое сопровождение по претензиям вашего бывшего мужа.

— Тогда «Тетрадь» веду я? Вместе с этой командой? — Проверив выходные данные проекта, обвела карандашом «Клён».

— Совершенно верно, — юрист подтвердила это и вписала возле названия согласованную формулировку. — Авторский договор оформляется отдельно.

— А если захочу уйти? — Я задержалась на предпоследней странице и развернула её к собеседнице.

— Действуете по условиям расторжения. — Она перелистнула договор и дала мне прочитать этот раздел. — Продажа издательства вас к новому столу не приковывает, Марьяна Сергеевна. Вы можете отказаться от проекта.

Договор перечитала целиком, особенно внимательно пункт о команде. Рядом лежало письмо Артуровых юристов. Здесь мне предлагали работу с моими людьми и помощь в деле, которое бывший уже затеял. Этого стоило держаться. Подпись поставила сама.

К семи вечера в редакцию пришли семеро из девяти сотрудников. Двое уже приняли предложение Артура. Он обзвонил всех, обещая золотые горы и «наконец-то нормальное управление».

— Ну, золотые горы вам сегодня уже предлагали. — Я выложила договор на стол и вернула его к коллегам. — У меня скромнее: марка «Клён» сохранится внутри холдинга, с нашим логотипом и кофе по четвергам. Прочтите сами, тут всё прописано. Кто со мной?

Соня из корректуры первой придвинула к себе договор. Пашка прочёл через её плечо, а Веня дождался, пока лист пустят по кругу. Затем все трое отправились на кухню и принесли наш старый кофейник, переживший три переезда и один пожар.

— Тогда вот, — сказала Соня и налила всем. — Дом — это где кофейник.

Кружку обхватила обеими руками. С первым глотком повременила: ещё расплещу кофе, растрогавшись над этими семерыми.

На следующий день отправилась за рукописью в московский офис холдинга. Охранница сверила мой пропуск со списком, проводила на верхний этаж и распахнула высокие створки.

— Проходите, вас ждут. — Она отступила, пропуская меня, и заглянула в свою ведомость.

За полукруглым столом сидели люди в костюмах, а на экране горело название совета.

— Невеста уже в Москве. Пора Дамиру представить её совету. — Ближайший ко мне мужчина отложил телефон и обратился к соседу.

— Он купил издательство ради какой-то редакторши. Ясмине нужно сказать, пока всё это не стало нашим общим делом, — сосед подвинул к нему лист с повесткой и понизил голос.

За колонной хватало места, чтобы переждать неловкость. Только стоять и слушать про Димину официальную невесту оказалось ужасно противно.

— Простите, мне в архив. — Я попятилась к двери и задела сумкой косяк.

Охранница торопливо извинилась: перепутала фамилии в списке. В холле мне принесли чай и объяснили, что рукопись всё-таки доставят курьером. Пока остывала чашка, так и тянуло набрать Диму и потребовать объяснений. Невестой вздумала возмутиться, отлично. Сначала бы спросить его самого.

Вечером ему ушло сообщение: «Дима. У тебя есть невеста?»

Он ответил через час: «Официальной невесты у меня нет. У совета есть планы, о них поговорим лично. Передай Климу привет. Рукопись завтра, с курьером».

В постели телефон остался на соседней подушке. Его короткий ответ перечитала ещё раз. Клим забрался под одеяло и мурлыкал мне в бок. Завтра придет рукопись. Зелёные пометки уже выдали Диму; оставалось узнать, что именно он правил.

Глава 3. Почерк, который я знаю

— Марьяне Кленовой. Лично. — Курьер сверился с наклейкой и поставил на стол коробку в целлофане.

Внутри лежала наборная копия рукописи с факсимиле зелёных пометок на полях. Подцепив скрепку ногтем, я высвободила первый лист и отложила тонкую обложку.

На первой странице стояли знакомые слова. Взявшись за следующую, вернулась к началу и перечитала вслух.

Два года обходить эту книгу стороной, потому что название напоминало о потерянной школьной тетради. Убедить себя, что совпадения случаются. А теперь держать перед собой собственный текст, написанный в шестнадцать лет на подоконнике у фикуса.

Девочка, осень и мальчик, который молчит. Даже старая запятая осталась там, где Тамара Львовна велела её убрать. Вот ведь упрямая девчонка, отдала на конкурс всё как было. Конкурс отменили, тетрадь пропала, а выжила эта запятая.

В кабинете закрыла дверь и выложила рукопись перед собой. Наивные признания отметила карандашом, а возле соседней фразы задержалась. Вот это и сегодня было бы жаль вычеркнуть. А на полях сохранилась Димина правка со знакомыми петлями букв.

Значит, всё это время он знал, чей текст издаёт. Восемнадцать лет спустя этот человек купил издательство, усадил меня перед моей же книгой и предложил угадать автора. Теперь ему предстояло объясниться со мной.

Из приёмной снова отвечали про совет и закрытый приём. Зато Веня знал, где искать Дамира по средам: в детской больнице холдинга проходили чтения. Через фонд удалось записаться в помощники и получить волонёрский бейдж.

В регистратуре его сверили со списком, выдали гостевой стикер и проводили меня до палаты. За дверью Дима читал вслух.

Он устроился на подоконнике в белой рубашке, положив пиджак на стул. Перед ним сидела двенадцатилетняя девочка, закутанная в плед. На коленях она держала свой экземпляр «Октябрьской тетради»; из потрёпанных страниц торчали цветные закладки. У порога остановилась, крепче прижимая к себе папку. Ворваться сюда со своими обвинениями было бы очень легко и очень стыдно.

— Вы кто? — Девочка подняла голову и придержала съезжающий с плеч плед.

— Марьяна Кленова. — Дамир оторвался от страницы и повернулся ко мне. — Идите сюда. Это Лейла, моя племянница. Я её опекун, а сегодня ещё и чтец.

— Вы читали «Тетрадь»? Это моя самая любимая книга в мире. — Лейла прижала к себе потрёпанный томик и отодвинулась, освобождая место. — Я болею ею. Дядя читает мне её, когда мне плохо после процедур.

— Ох, знакомое дело. — Устроившись рядом, я достала из сумки копию и раскрыла на первой странице. — Хочешь черновик? С первыми исправлениями. Передам тебе от автора.

— Вы знакомы с автором?! — Лейла ахнула и потянулась разглядеть зелёные пометки.

— Скажем так: я ещё могу уговорить автора дописать финал. — Придвинула стопку поближе и поддержала нижние листы.

Дамир медленно закрыл книгу. Он смотрел только на меня и всё ждал следующей реплики. Дальше притворяться случайным редактором перед ним было бессмысленно.

Вечером мы добрались до кафе больничного двора. Обсуждать рукопись предстояло за столом, который оказался ужасно маленьким для двух чашек и моей папки.

— Откуда у тебя тетрадь? — Я положила папку между нами и расстегнула тесёмки.

— Нашёл в архиве поставщика, — Дима произнёс это, глядя в чашку, и отодвинул сахарницу.

— Давай всё-таки правду. Я сегодня звонила Тамаре Львовне. — Вынула копию и положила перед ним титульный лист. — Конкурс отменили, работы оставались в студии. Продавать их она никому не давала.

За его спиной на стекле собрались первые капли. Дима проследил за одной из них, потом повернулся ко мне.

— Я взял её сам. — Он придвинул к себе копию и провёл по пустому полю. — Ты отдала её на конкурс. Собиралась поступать в Литинститут, а меня увозили в Дубай. Тетрадь целую неделю лежала в студии. Забрал и увёз с собой. Воровство, Кленовая, как его ни назови. Потом читал её в каждой гостинице мира.

Заготовленные обвинения оказались смешно слабыми рядом с этим признанием. Прикусив губу, пережидала его молчание. Он возил мои шестнадцатилетние признания через весь мир, пока мне казалось, что от них осталась только память.

— Почему ты не вернул? — Я подцепила уголок титульного листа и осторожно разгладила его.

— Сначала потерял с тобой связь. Потом было стыдно. А потом... — Дима провёл по сгибу страницы и криво усмехнулся. — Построил издательство и захотел, чтобы этот текст увидел мир. Два года назад выпустил его анонимно. Доход от книги отложен в холдинге до договора с автором. Расчёт получишь целиком. Только это ничего не оправдывает. Разрешения издавать я у тебя не спросил.

Он вышел к машине и вернулся с плоским кожаным пакетом. Из него появилась толстая тетрадь в клетку, с наклеенным на обложку солнцем.

— Забирай. Восемнадцать лет держал у себя твою вещь. — Он положил её мне на колени и убрал пустой пакет со стола. — Пора вернуть.

— Я хочу своё имя на книге. И расчёт за все эти годы. — Прижав тетрадь к груди, я дождалась, пока удастся выговорить это спокойно.

— Анонимность закрепили в договорах с сетью. Совет связал с ней весь проект. — Дима задержался возле стула и сел. — Публичное раскрытие для них будет войной, Кленовая.

— Значит, будет война. — Я сняла с тетради старую резинку и раскрыла первую страницу.

— Значит, подготовимся. — Он отодвинул чашку и повернулся ко мне. — Юристы проверят договоры с сетью. Я отвечаю за то, что сделал, Кленовая, и буду отстаивать твоё имя перед советом. Решение о времени примешь ты. Расчёт пришлю завтра.

— Тогда с чего начнём? — Я отыскала последнюю исписанную страницу и повернула к нему тетрадь.

— С финала. — Дима пробежал глазами знакомые строки и остановился на последней. — Твоя героиня так и не решила, остаться ли под клёнами. Дописать можешь только ты.

Дома тетрадь легла возле чистых листов. Сменить концовку означало принять за ту девочку решение, которого она тогда ужасно боялась. Что, если взрослая редакторша испортит всё самое дорогое? Вслух перечитала последние страницы, примеряясь к её упрямому голосу.

Для Лейлы отложила несколько страниц полученной копии с первыми исправлениями и передала их водителю Дамира. Ночью написала ему сама: «Села за финал. Буду писать от руки». Утром курьер от Дамира привёз коробку с тремя флаконами зелёных чернил. Между ними лежала записка: «Автору виднее. Но я бы доверил тебе любой финал. Д.»

Следующей ночью на чистых листах появились первые страницы новой концовки. Клим спал на клавиатуре ноутбука, оставив мне бумагу и перо. В зелёных строчках ещё спорили взрослая редакторша и девчонка из студии, а возле них неизбежно возникал мальчик в свитере с оленями. Хотелось написать так, чтобы он тоже дочитал до конца.

Под утро в почте нашлось письмо Артура. «Марьяша, давай начнём с чистого листа. Видел „Тетрадь“ в бумагах у шейха на презентации — сфотографировал на память. Какой

успех! Неудивительно, что ты хотела это скрыть. Подписывай соавторство — и я не расскажу совету холдинга, что их бестселлер написала любовница начальника. Обнимаю. А.»

Письмо осталось без ответа. К вечеру в отраслевом канале «Книжный двор» вышел его намёк: «Источники сообщают, что автором великой "Тетради" может оказаться куда более близкий к холдингу человек, чем мы думали...»

Свернув канал, я открыла схему фестиваля. В главном шатре Артур уже обещал «разоблачение», туда позвали прессу. Стенд «Клёна» предстояло поставить по соседству.

Глава 4. Фестиваль под шатрами

— Ладно, пойдём к ним сами. — Я отодвинула коробку от прохода и взяла со стенда «Октябрьскую тетрадь».

Три дня собирать этот стенд, чтобы теперь слушать, как народ толпится у Артура. Он занял главный шатёр и разослал анонс «Сенсационного разоблачения». У нашего стола Соня в двадцатый раз переставляла книги, а Веня ушёл курить за растяжку.

Площадь по соседству снял для нас Дамир. Над шатром висел баннер с кленовым листом; за ним начиналась аллея букинистов, а у пруда горели гирлянды. Там люди пока ещё выбирали книги вместо скандала. К ним и стоило выйти.

Встала на устойчивый ящик у входа и раскрыла роман. Дождь уже пятнал страницу.

— «Осень в том году пришла на две недели раньше, чем обещали в календарях, и девочка Ника решила, что это специально: чтобы никто не заметил, как она уходит...» — читая вслух, укрыла разворот от дождя и повернула книгу к свету.

Две женщины остановились у прилавка. К ним подошёл мужчина с собакой, задержалась компания под одним зонтом. Дождь усилился; укрыв книгу полой плаща, продолжила читать. Потом на разворот перестало капать: Дамир раскрыл надо мной большой синий зонт.

— Мам, давай ещё постоим. А дальше что? — Мальчишка лет десяти забрался на мокрую скамейку и потянул мать за рукав.

Мать поправила ему капюшон и развернулась ко мне. Перелистнув страницу, продолжила с того места, где Ника шла вдоль школьной ограды.

К концу часа у шатра стояло человек семьдесят. Соня перестала перекладывать книги и теперь передавала их покупателям.

В четыре часа в главном шатре щёлкнул и затих микрофон. Ведущий принёс Артуру счёт за аренду оборудования и развёл руками: оплаченный срок закончился, дальше площадку арендовал «Золотой сокол».

— Это произвол! Она самозванка! Эта женщина не имеет отношения к «Тетради»! — Артур выскочил в общий проход и попытался растолкать людей у нашего стенда.

Люди обернулись. Спустившись с ящика, я подошла к Артуру, чтобы отвечать ему в лицо.

— Автор «Октябрьской тетради» сам выберет, когда представиться. А пока спрашивайте о книге. — Я закрыла размокший том и положила его на ящик. — Кроме чужого имени, здесь много интересного.

— Почему нельзя сейчас?! — Журналистка подняла телефон и придвинулась к Артуру; он ободряюще кивнул ей.

— Потому что у нас чтение, а не допрос с пристрастием. — Я повернулась к ней и отступила, пропуская мальчишку к матери. — Ну что вы, в самом деле, книги за нами уже не успевают.

Женщины у стенда засмеялись. Мать мальчишки велела журналистке дать послушать дальше, а собака в проходе села прямо на Артуров ботинок.

— Хватит, ты выстояла. Пойдём в шатёр. — Дамир взял меня под локоть и развернул к проходу.

— Дима, я ещё главу не дочитала. — Остановилась, высвобождая локоть, и повернулась к Дамиру. — Уйду сейчас, завтра Артур расскажет, что сбежала от его вопросов.

Дамир нахмурился. За его спиной охранник уже держал открытым полог, а мужчина с телефоном снимал нас почти в упор. Очень хотелось, чтобы Дима сейчас услышал меня, а не решил за двоих.

Он отступил, забрал с ящика книгу и подал мне раскрытой. Полог за его спиной опустился. Дамир остался рядом под одним зонтом, а охрана отступила от камер.

— Мой редактор читает лучше всех в этом полушарии. — Он развернулся к телефонам и поднял зонт повыше. — Я просто держу зонт.

Вечером в наш шатёр всплыла Алина, Артурова нынешняя пассия. Из-под норковой накидки виднелись длинные ноги и страшно промокшие туфли. Она пристроилась у стойки и начала рассказывать «коллегам», как Марьяна когда-то работала у неё редактором.

— Простите, в каком году мы с вами работали? — Я отложила накладную и обошла стол.

— В две тысячи одиннадцатом... — Алина начала уверенно, но осеклась, встретившись со мной взглядом.

— А «Клён» основан в четырнадцатом. Может, вы у Артура работали? — Посторонилась, пропуская покупателя, и забрала накладную с прохода. — Вот о сборниках его и расскажите, это всем интересно.

Алина стала оправдываться, попыталась назвать собственную книгу и запуталась ещё сильнее. Покупатель у кассы спрятал усмешку в воротник. Она вылетела из шатра, задев норковой накидкой стойку с открытками.

Через час, когда пришла пора складывать пустые коробки, Алина вернулась. Теперь она стояла у входа мокрая, без накидки, с потёкшей тушью.

— Возьмите, тут его переписка. — Она достала из сумочки флешку и положила поверх смятого скотча в коробке.

— Зачем вы это делаете? — Забрала флешку из коробки и подняла глаза на Алину.

— Потому что он меня сегодня унизил. Из-за вашего «в каком году». Он кричал, что я дура, что я позорюсь перед его коллегами... — Она вытерла щёку и снова полезла в сумочку за платком. — Он хвастался мне, как берёт чужие рукописи у молодых авторов и продаёт под своими сборниками. Говорил: «мёртвые рукописи не кусаются». А вы ещё попросили рассказать про сборники... Он решил, что я вам всё выболтала. Я так больше не могу.

— Почему принесли мне? Вы же видели, как мы с ним разговариваем. — Убрала флешку в карман и опустила коробку на пол.

— Потому и принесла. Он вас боится, — Алина выговорила это, отступая к выходу, и потуже запахнула тонкий жакет.

Оставив коробки Вене, я вышла к припаркованной машине и набрала Настю, подругу с университета.

— Только не кричи. Алина принесла мне компромат на Артура. — Села в машину и прикрыла дверцу от дождя.

— Марьяша, ты сошла с ума! Да зачем ей?! Это же подстава, это же... — От Настиного крика я отодвинула телефон и переждала первые обвинения.

— Он её сегодня унизил. По её словам, конечно. — Я достала из кармана флешку и положила возле коробки салфеток. — Знаешь, как-то очень легко в это поверить. Пусть лучше проверим её помощь, чем выставим за дверь.

— Ну, проверить-то придётся. Там что, переписка? — Настя сбавила голос, а я снова поднесла телефон к уху.

— Про чужие рукописи. Пока знаю со слов Алины. — Повертев флешку в поисках надписи, убрала её обратно в карман. — Обещаю, сначала прочтём с юристом.

— Ох, Марьяша. Копию сделай сразу и адвокату отправь, — Настя вздохнула и продиктовала адрес адвоката; я записала его на чеке.

После разговора я вернулась к Вене. Он обещал снять копию на рабочем ноутбуке и передать юристу холдинга.

Узнав про флешку, Дамир предложил «решить вопрос». По уверенности, с которой он уже доставал телефон, оставалось только угадать цену этого решения.

— Дима, оставь мне мою войну. — Остановилась перед ним, преградив путь, и дождалась, пока он опустит телефон. — Двенадцать лет была женой при муже, редактором при

авторе. Теперь хочу сама дойти до конца. Мне нужны твои юристы, а не выкупленное молчание Артура.

— Договор. Ты воюешь пером, я контрактами. — Дамир убрал телефон и протянул ладонь. — По своим правилам каждый.

Мы ударили по рукам под гирляндами. Отпустила его, пропуская Соню с подносом, и тут же получила от неё две кружки.

К закрытию фестиваля у входа остановилась машина из аэропорта. Дамир ещё утром отправил за бабушкой борт холдинга, а теперь торопился ей навстречу через мокрую аллею.

— За шаурмой и правдой приехала. — Крошечная Фатима отодвинула охранника тростью и взяла внука под локоть. — Веди, покажешь, чем тут весь день занимаешься.

Соня уступила ей место за нашим столом. Лейлу к вечеру привезли из больницы с разрешения врача, и теперь мы все грели ладони о кружки. Девочка разложила рядом мою правку.

— Покажи, как ты решаешь, где нужна запятая. — Она придвинула ко мне лист и забрала со стола карандаш.

Наклонившись к Лейле, объяснила, почему герой тетради вечно замолкает посреди фразы. Дамир смотрел на нас поверх кружки; пришлось спрятать собственную улыбку за страницей.

Фатима допила чай, вынула из пачки экземпляр «Тетради» и протянула Соне деньги.

— Вот это заверните. Почитаю, что там мой внук по ночам читает. — Она убрала покупку в сумку и поднялась, опираясь на трость.

Дамир проводил её к машине. Книга уехала с бабушкой, а он вернулся к нашему столу и сел рядом со мной. Теперь оставалось дожидаться, на какой странице она позвонит ему первой.

Глава 5. Соперница с дипломом невесты

— Зачем холдингу локальная марка «Клён»? — Ясмина положила передо мной смету и обвела строку с расходами. — Затраты не окупаются. Предлагаю свернуть.

За полчаса до этого она вошла в редакцию с ассистентом и представилась ревизором совета директоров. Дочь лондонского партнёра аль-Масри, безупречная укладка, идеальный деловой костюм. А заодно, как выяснилось, Дамирова невеста: семьи всё обсудили, официальное объявление ещё впереди.

Теперь мне предстояло обосновать перед ней каждую смету. Она успела разложить договоры по стопкам и с понедельника по среду собиралась разбирать наше издательство по строчке.

— Давайте сначала про доходы. — Придвинув к ней графики, подготовленные за три ночи, раскрыла отчёт о фестивале. — Вот продажи у стенда. Вот заказы из осеннего каталога после чтений. Читатели ищут «Клён», о нас пишут. Закрывать марку сейчас означает выбросить то, за что холдинг только что заплатил.

— Продажи после скандала — ещё не постоянный спрос. — Ясмина сверила график со сметой и оставила возле него пометку. — Посмотрим, что скажет совет.

Отчёт ушёл в Дубай. Совет снял часть претензий к проекту, однако бюджет заморозил «до выяснения». На дорогу и мелкие редакционные расходы уходили собственные сбережения. В очередной раз открыв кошелёк, едва удержалась от желания предъявить Ясмине и этот отчёт.

В среду Ясмина позвала меня на «девичий чай». Сумку поставила поближе к себе: из такого гостеприимства лучше уйти вовремя.

— Я буду говорить прямо. — Она наполнила наши чашки и вернула чайник на подставку. — Дамиру тридцать шесть. Совет ждёт его брака с моей семьёй — это альянс двух ветвей, порт, дистрибуция, сорок лет отношений. Невесту шейха не выбирают из редакторов, Марьяна Кленова. Это не роман, это математика.

— А я собиралась делать книгу. Свою книгу. — Взяла чашку и подвинула к Ясмине салфетницу. — Я автор, Ясмина.

Она поперхнулась так сильно, что я пододвинула салфетницу ещё ближе.

— Автор? Чего? — Ясмина вытерла губы и отставила чай.

— «Октябрьской тетради». Книги, которую вы видели на каждом экране в аэропортах. — Выждав, пока она перестанет кашлять, вернула чашку на блюдце.

Ясмина посмотрела на мою сумку, где торчала рукопись. Затем снова на меня. Разговор о редакторше, которую можно убрать из сметы, явно пошёл в незапланированную сторону.

Назавтра Дамир пришёл в мой кабинет с зелёными чернилами. Ясмина с ассистентом как раз заканчивала разбор очередного договора, когда он сел возле моего стола и принялся вслух читать новую версию финала. На второй странице мы уже спорили о запятой. Он смеялся, возвращался к спорному предложению и придерживал разворот, пока я выбирала замену очередному упрямому слову.

Ясмина постояла в дверях, развернулась и ушла так стремительно, что с каблука слетела набойка. Ассистент подобрал её и торопливо последовал за хозяйкой.

— Ты это нарочно. — Дождалась, пока дверь закроется, и забрала у него рукопись.

— Абсолютно, — Дамир подтвердил это с удовольствием и потянулся за отнятой страницей. — Верни, там ещё запятая осталась.

В пятницу она вернулась к концу дня. Лейла делала у моего стола математику: после перехода на амбулаторное лечение её привозили сюда несколько раз в неделю. Ясмина остановилась, увидев между отчётами школьную тетрадь.

— Ты кто? — Лейла подняла голову и убрала ластик изо рта.

— Ясмина. А ты, значит, Лейла. — Она присела к столу и подвинула к девочке откатившийся карандаш. — Тебе нравится здесь?

— Марьяна любит меня. Просто меня, а не ради дяди. — Лейла забрала карандаш и вернулась к примеру. — Взрослые обычно путают.

Ясмина попрощалась с девочкой и вышла. А вечером её номер высветился на моём телефоне.

— Мне прислали проект соглашения об обручении. Отец уже согласует условия с советом. Там перечислено всё, кроме моего мнения, — понизив голос, Ясмина попросила отойти от сотрудников; я вернулась в пустой кабинет и закрыла дверь. — Хочу предупредить вас: они будут давить на Дамира через проект. И на вас тоже.

— Почему вы рассказываете мне? — Я села за стол и отодвинула оставленную Лейлой тетрадь.

— Потому что вы отняли у меня жениха, но вернули самолюбие. Это дороже, — Ясмина выговорила это, запнулась на моём имени и попрощалась.

Заявление об уходе получилось аккуратным, с благодарностью. Подписывая его, я убеждала себя, что берегу Дамиру жизнь: отойду в сторону, и семья оставит его в покое. Спать после этого было невозможно. Ужасно разумная женщина, Марьяна Кленова, опять решила за всех, как всем будет лучше.

Утром заявление осталось у секретаря с просьбой передать владельцу лично. В девять Дамир за ним приехал, а к десяти на звонки отвечала только его охрана. В два часа дня позвонила Фатима и велела открыть отраслевой канал.

Там висела молния: «Холдинг „Золотой сокол“ расторгает дистрибьюторский контракт с сетью „Львов-Медиа“ на три континента. Немедленно».

Через охрану удалось дозвониться ему самому.

— Ты рвал контракт из-за моего заявления?! Ты понимаешь, сколько это стоит?! — Я вскочила со стула и прошлась до окна, прижав телефон к уху.

— Триста восемьдесят миллионов рублей. Я знаю цену каждой своей глупости, Кленовая, — ответил Дамир. Услышав сумму, я остановилась у окна и оперлась о подоконник. — Только глупостью было бы отпустить тебя, а потом продолжать платить Артуру за сотрудничество. Заявление порвал. Контракт с ним тоже. Выбирай следующую войну, я уже разогрелся.

— Дима, тебя убьёт твой совет. — Овернулась к оставленным на столе сметам и прижала телефон крепче.

— Мой совет много лет получал с меня проценты. А я восемнадцать лет ходил мимо этой тетради. Не советуй мне, что беречь, — он перебил меня, а у меня так и осталась недоговорённой фраза про его семью.

Захотелось спросить, кого он сейчас бережёт на самом деле. Вместе с ответом потребовалось бы признаться самой, зачем он мне так нужен.

— Финал дописала? — Дима заговорил уже обычным голосом; я отошла от окна и вернулась к рукописи.

— Почти. Осталась последняя страница. — Я развернула её перед собой и коснулась пером чистой строки.

— Допиши. У тебя встреча с типографией в среду, — велел он и попрощался.

В воскресенье за мной заехала машина Фатимы. Блокнот с аргументами лежал в сумке; по дороге удалось придумать ответы на все возможные претензии.

У бабушки меня посадили на кухню. Фатима взялась за высокий чайник, а я на всякий случай убрала подальше блокнот: такая струя нальёт мне чаю сразу на все страницы.

— Доченька, почему в финале твоей тетради героиня не осталась под клёнами? — Она налила мне чаю и придвинула чашку.

— Вы... читали? — Опустила блокнот на колени и спрятала под него приготовленную ручку.

— Дважды. И правнучке читала вслух. — Фатима открыла лежавшую рядом книгу и нашла закладку. — На тридцать второй странице мы обе плакали. Думаю, героине пора остаться под клёнами. Хватит ей по миру бегать.

Отставив чашку, прижала к ней салфетку: чай плеснул через край. Фатима наклонилась ко мне, а я уткнулась в её плечо и расплакалась, совсем по-детски, до мокрого пятна на платке. Ни один придуманный по дороге довод здесь бы не пригодился.

— Я не знала, что мне это разрешено, — удалось выговорить, вытирая щёки и пытаясь снова сесть прямо.

— Теперь знаешь. — Фатима подала салфетку и подлила мне чаю.

Блокнот с доводами в пользу отступления лежал на коленях. Перевернув исписанную страницу, взялась за чистую. До пятницы предстояло закончить совсем другой финал.

Глава 6. Ночь правки, ночь правды

— Марьяна Сергеевна, он мой долг по кредиту закрыл... Я думал, это просто черновик! Он сказал: просто черновик, никому не повредит, он не должен был его печатать, клянусь... — Пашка зажмурился и вцепился в сиденье стула.

Ещё час назад рассчитывала успеть с финалом к пятнице. В среду вечером наш файловый сервер умер на середине сохранения, а в четверг в девять утра отраслевой канал «Книжный двор» выложил «эксклюзив»: «Утёкший финал „Октябрьской тетради“! Шокирующе слабый!» Под нашей маркой опубликовали чужую, злую версию моей книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.